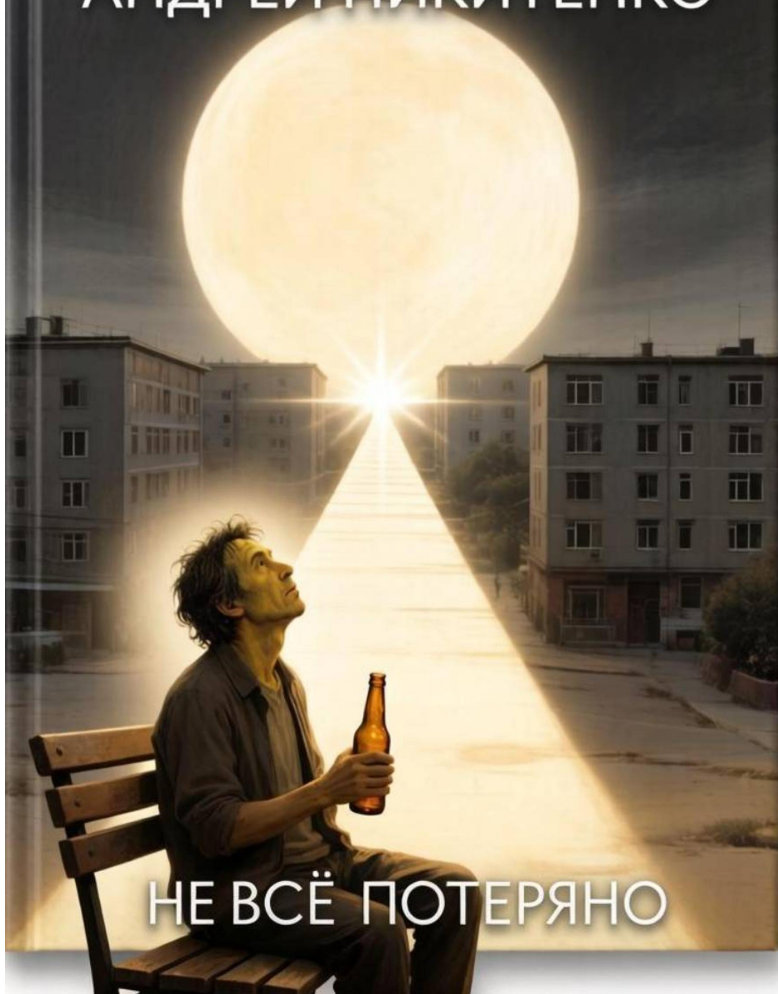

АНДРЕЙ НИКИТЕНКО

НЕ ВСЁ ПОТЕРЯНО

Андрей Никитенко

Не всё потеряно

<https://litres.ru/73932251>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой врач ищет подход к безнадёжному соседу-алкоголику, а тот пытается осмыслить жизнь и Вечность через призму своего разрушенного быта.

Содержание

Эпизод 1. Сто восемьдесят дней без солнца

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Андрей Никитенко

Не всё потеряно

Эпизод 1. Сто восемьдесят дней без солнца

На город опустилась серо-зелёная хмарь. Быстро и незаметно воздух остыл; его неспешное и вместе с тем равномерно мощное движение стало совсем ледяным, словно дыхание дремлющей зимы сквозь время внезапно прорвалось к самому сердцу августа. Небо слилось с домами и фонарями, с землёй и водой в одну серую влажную завесу, мерцающую бледно-жёлто-зелёными огнями, и всё — и небо, и улицы, и весь город — словно перестало существовать в этом безмолвном полумраке. Так продолжалось много часов подряд. И лишь к позднему вечеру, когда прохожих перестало осыпать с головы до ног холодной изморосью, а ветер, напротив, из ровного стал порывистым, - немного посветлело... И тут же ночная тьма окончательно поглотила улицы, накрыв их с головой.

В квартире, где жил Денис Подземный, оставалось темно, даже если снаружи светило солнце. Окна, и без того с неза-

памятных времен никем не мытые, сильно запотели, так что ветви деревьев, раскачивающиеся в такт своенравному ветру, и глыбы многоэтажных домов за ними стали едва различимыми силуэтами. Холодный ветер вместе с медленно наползающим на город ночным туманом просачивался сквозь старые деревянные рамы, то с тихим свистом, то с гулким скрежетом толкаясь в сломанную форточку на кухне. В комнате же, служившей одновременно и спальней, и гостиной, и мастерской, окна были заклеены, а в некоторых местах забиты наглухо так, что никто ни при каких обстоятельствах не стал бы и пытаться их открыть.

Не тишина, а безмолвие, мрак и пустота царили здесь уже много часов подряд, несмотря на то что хозяин квартиры был дома. Он лежал на своём стареньком диване в одежде, накрытый пледом; лежал неподвижно на спине и смотрел в потолок. Глаза его все время были открыты и так же неподвижны: и когда он всматривался в глубину мрака, окутавшего комнату, и когда засыпал, не помня времени и сновидений. Не было слышно движения насекомых, обычно густо населявших это место; молчали стены, ничем не выдавая на этот раз присутствия соседей, и даже редкий стук капель дождя, который, начинаясь, почти сразу же отступал, казался чем-то нереальным, застывшим и лишь усиливал ощущение безмолвия.

Счёт дням и даже неделям здесь был потерян безвозвратно: Денису время теперь было уже ни к чему, оно просто

перестало для него существовать. По утрам, конечно, как обычно, светлело, и оживлённый топот ног на лестничной клетке, а затем попеременный рык автомобилей во дворе возвещали начало очередного рабочего дня. А по вечерам, как и прежде, спускались сумерки, и наверху включали телевизор — ненадолго, но достаточно громко, так что соседи могли оценить по достоинству очередной скандал из ток-шоу. Но для Дениса всё это слилось в одну долгую непроглядную ночь, и сколько она продолжалась, никому не было известно. Старый советский будильник стоял закутанный в паутину на облезлом подоконнике и не подавал никаких признаков жизни, а его владелец уже стал забывать, каким вообще бывает звук работающих часов. Ржавые стрелки под треснувшим стеклом застыли на половине двенадцатого больше года назад, и с тех пор мелодии звонков, как и многие другие мелодии, звучавшие здесь когда-то, покинули это жилище. Телефона в квартире вовсе не было: после того, как линию отключили за неуплату, хозяин продал аппарат соседям за бутылку водки. Звонок у входной двери всё ещё висел на своём месте и даже выглядел новым, однако на самом деле был сломан, и, если иногда кто-то и пытался в него позвонить, Денис об этом не подозревал.

Наконец наступила совсем непроглядная тьма. Холод усиливался, сковывал все вокруг. Всё застыло: ни малейшего звука, ни намёка на какое-либо движение. Так прошёл час или два. Внезапно в тишине раздался отчётливый стук —

осторожный, вежливый стук в дверь, а если быть точным — в металлический дверной косяк. Всего три или четыре спокойных удара друг за другом, словно кто-то хотел сказать: «Не открывай, если не хочешь, - приду в другой раз». И вновь тишина: обитель безмолвия не отозвалась ни единым движением. Повторного стука не последовало, и звука шагов уходящего не было слышно. Только в квартире стало ещё холоднее...

* * *

Резкий короткий скрежет и звон стекла на кухне — форточка! Как бы совсем не разбилась... Денис открыл глаза: было очень светло и очень холодно. За окнами ходуном ходили тени деревьев, разбушевавшийся не на шутку ветер налетал с разных сторон, то и дело обрушиваясь прямо на окна, так что они начинали дрожать. Снова грохотнула форточка. Денис перевёл взгляд на треснувший будильник: он показывал одиннадцать тридцать. Снова удар форточкой о стену, на этот раз значительно сильнее. Денис откинул ветхий пропылённый плед, которым укрывался, сел и едва не взвыл от резкой ломоты во всех мышцах и суставах. Довольно ощутимо закружилась голова и появился высокочастотный шум в ушах, который нарастал, смещаясь то влево, то вправо. Денис мотнул патлатой головой и с коротким низким вздохом лёг обратно. В глазах потемнело, но потом всё

прояснилось, и шум в голове исчез. Вне всяческих сомнений это было утро. Позднее утро, так как безудержный рёв спешащих на работу машин уже удалился, растворившись в глубинах города. Надо встать и что-нибудь поесть, иначе и умереть недолго. Денис снова открыл глаза и увидел движение пауков в углу комнаты. Сначала встать.

Теперь он решил двигаться осторожнее: понемногу приподнимаясь, помогая себе руками, чтобы от резкой перемены положения тела снова не закружилась голова. Сколько же дней он пролежал на этот раз?.. И почему так долго не было Петуха! Денис наконец принял полностью сидячее положение, но не спешил спускать ноги с дивана, опасаясь нового приступа дурноты. Он огляделся, и взгляд его привычно скользнул по газетам, которыми были оклеены стены комнаты. Цветных газет здесь не было — только чёрно-белые. Он остановился на обрывке статьи, который перечитал уже бессчётное число раз: вероятно, потому что часть газеты, на которой статья была напечатана, располагалась как раз над диваном, так что, если на нём сесть и посмотреть на стену, первым бросался в глаза именно этот текст. Здесь была не вся статья, примерно середина её или ближе к концу: интервью с каким-то не то профессором, не то священником.

Денис почти никогда не вставал с дивана, не перечитав эти загадочные строки: «Вечность, вечная жизнь — жизнь после смерти — существует и не просто существует: она гораздо более реальна, чем наша земная, временная жизнь. На

этой земле мы странники, гости - не более того. Но нельзя понимать вечность как бесконечность времени. Вечность больше, чем время, оно над временем, и всё же неразрывно соединена с ним. Некоторые мудрецы говорят, что это таинственное соединение можно геометрически представить как соединение прямой касательной линии с кругом, где круг — это вечность, линия — время, а точка касания — не что иное как наше настоящее. Не прошлое и не будущее — настоящее! Такое толкование помогает понять, почему важно, в каком духовном состоянии человек находится в момент своей смерти: ведь для него это момент его настоящего — его точка соединения с вечностью, в которую он уходит...»

Разгулявшийся ветер играл на кухне сломанной форточкой, и скрежет её не умолкал. В комнату залетело несколько мух: две из них, не успев как следует осмотреться, с размаху попали в липкие паучьи сети, расставленные по всему периметру потолка. Денис спустился с дивана и, преодолевая беспощадную ломоту в спине, негромко охая, поплёлся босиком на кухню. Там он наскоро умылся, несколько раз отчаянно чихнул, подняв тем самым ещё больше пыли — целое облако, и стал осматривать шкафчики на предмет чего-нибудь съедобного. К счастью, здесь ещё было всё самое необходимое: и спички, и соль, и несколько пачек макарон и разной крупы. И даже четверть бутылки подсолнечного масла и полбанки сахарного песка. К большому сожалению, не было ни куска хлеба: вспомнив о нём, Денис снова почув-

ствовал тяжесть в голове и лёгкое головокружение, которое, впрочем, на этот раз быстро прошло. Осталось только налить в кастрюлю воды, разжечь на плите огонь и сварить... да, пожалуй, макароны.

Мутноватый жёлтый свет единственной лампочки, свисавшей с потолка, освещал более чем скромную обстановку крохотной кухни. Старая ржавая мойка, газовая плита — некогда белая, а теперь покрытая жиром и копотью, несколько облупленных шкафчиков с покосившимися дверцами светло-зелёного цвета, два самодельных стула, складной столик, накрытый цветной клеёнчатой скатертью, и холодильник ЗИЛ, работающий бесперебойно с незапамятных времён, несмотря ни на какие невзгоды, — вот нехитрый набор предметов мебели, который здесь никогда не менялся. Правда, однажды — в лучшие времена — была у Дениса возможность сменить советский ЗИЛ на хороший современный холодильник: в одном магазине ему по знакомству предложили обменять старый агрегат на новый почти без доплаты. Денис думал целую неделю — не хотел обидеть друзей, но в конце концов всё же отказался, а на вопрос «почему» ответил, что ЗИЛ помогает ему верить в жизнь после смерти. Такого странного объяснения никто, конечно, не понял, но поскольку все знали, что спорить с Денисом или уговаривать его — занятие бесполезное, ему просто улыбнулись, пожали руку и угостили бутылочкой тёмного пива, чему он был несказанно рад.

Уплетая дымящиеся макароны и мечтая о глотке пива, Денис вдруг вспомнил, что Пётр приходил. И даже, наверное, не один раз. Да, без сомнения, он совсем недавно стучался в дверь. Значит, не забыл, значит — ещё придет. Денис доедал свой нехитрый обед, привалившись спиной к стене, когда в голове вновь помутилось.

* * *

Через некоторое время Денис очнулся в этой же самой позе, тарелка была пуста, и почему-то надо было встать и открыть входную дверь. Он встал, хрустнув всеми суставами, охая и потирая затёкшую спину, доплёлся до входной двери и, привычным движением повернув замок, открыл: на пороге был Пётр. Только теперь до Дениса дошло, что пока он сидел на кухне в полузабытьи, как бы издали до него доносился всё тот же вежливый, но уже более настойчивый стук в дверь. Ещё две-три следующих минуты напрочь выпали из памяти Дениса, и он обнаружил себя уже сидящим за кухонным столом. Напротив сидел Пётр и откупоривал две банки тёмного.

- Петух... - медленно произнес Денис и не узнал свой голос, настолько слабо и хрипло он прозвучал.

- Я вижу, ты уже немного поел, - ухмыльнулся сосед. - Я тут кое-чего принес, так что давай, не стесняйся, налетай.

На столе, кроме пива, обнаружились черный хлеб, колба-

са, сыр и печенья.

- Человек... - криво и очень слабо улыбнувшись, промямлил Денис и медленно принялся за еду и выпивку. По телу потекло тепло, в голове приятно загудело и окончательно прояснилось — появилась надежда, что в этот день сознание его больше не подведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.